

Э. Ю. Жгутова

член Общественной палаты РФ, руководитель «Общественного центра по защите традиционных семейных ценностей “Иван Чай”»

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА И НЕГАТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЗАКОНА О ПРОФИЛАКТИКЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО НАСИЛИЯ

В последнее время объектом внимания СМИ стал проект закона о семейном насилии. Эту тему стали поднимать все центральные телеканалы, всё чаще включая в новостные репортажи сюжеты, связанные с темой домашнего насилия, в том числе убийств на этой почве. Принятие соответствующего закона в этих репортажах подаётся как вывод, логически вытекающий из отражаемых событий. СМИ стремятся во что бы то ни стало продать законопроект, любезно предоставленный нам Западом, а чтобы придать ему более авторитетное звучание, акцентируют внимание на том, что этот законопроект был разработан при участии Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. Лоббистом закона является телеведущая и депутат Госдумы Оксана Викторовна Пушкина. На сегодняшний день правительство считает, что этот законопроект должен быть принят, хотя в обществе растут сомнения относительно необходимости его принятия. Недавно в связи с нарастающим возмущением в самых широких кругах населения в Общественной палате прошёл круглый стол, посвящённый обсуждению этого законопроекта. Председательствовала Людмила Николаевна Виноградова, член «Роди-

тельского Всероссийского Сопротивления». Кроме того, на днях во всех крупных городах, включая Москву и Санкт-Петербург, прошли многояюдные митинги противников закона. Суть претензий в том, что закон о насилии — это не закон о борьбе с насилием в семье, а закон о насилии над всеми.

Необходимо разобраться в том, откуда взялся этот проект, кто его лоббирует, какова реальная статистика по домашнему насилию на сегодняшний день, какова аргументация лоббистов закона и чем можно им возразить, что сейчас говорит наше законодательство по этому вопросу, и, самое главное, какими могут быть последствия принятия такого законопроекта для наших семей.

История вопроса восходит к 1993 году. Всё было затеяно феминистскими кругами Америки, и важную роль в этом процессе сыграла Марина Писклакова-Паркер. Фамилию Паркер она приняла, когда вышла замуж за агента ФБР Томаса Паркера, который вышел в отставку и, будучи на пенсии, основал организацию «Эмеральд» (Emerald Institute for International Association), которую сам называл «маленькой ФБР». Впоследствии эта «маленькая ФБР» открыла 16 региональных представительств по всему миру и неплохо развернулась за счёт грантов фонда МакАртура, фонда Форда и других американских НКО. И так, в 1993 году была начата так называемая «борьба против домашнего насилия», а на деле — кампания по распространению феминизма. Тема домашнего насилия была просто прикрытием, поскольку любая кампания проводится под предлогом борьбы за что-то хорошее, и у такого рода инициатив всегда есть какая-то гуманистическая обёртка. В 1993 году в России был создан Центр по предотвращению насилия «Анна» (в настоящее время признан в России иностранным агентом), который возглавила феминистка,

жена сотрудника ФБР Марина Писклакова-Паркер. В 1997 году к кампании против семейного насилия подключились Хиллари Клинтон и Мадлен Олбрайт, учредившие международную организацию Vital Voices Global Partnership, отстаивающую права женщин. Естественно, эта организация получила значительный административный ресурс и большие финансовые вливания. На реализацию программ по защите женщин и детей от семейного насилия в России указанные организации, по некоторым оценкам, потратили до миллиарда долларов США. В случае принятия нынешнего законопроекта заинтересованным лицам из числа его лоббистов в России также были обещаны существенные суммы. Это — «пряник», которым нас пытаются подвигнуть к принятию закона, но существует ещё и «кнут» — международные организации, например, Совет Европы, который настойчиво рекомендует нам принять этот закон.

На сегодняшний день при Совете Федерации и в Госдуме есть рабочая группа, которая разрабатывает законопроект. Президент Путин, когда речь заходит о каких-либо законопроектах, касающихся семьи, всегда призывает спрашивать мнение общественности. Когда Валентина Ивановна Матвиенко говорила о том, что в Совете Федерации была создана рабочая группа по этому вопросу (примерно три месяца назад), мы воспользовались предоставленной возможностью обсуждения и попытались включиться в процесс. Как член Общественной палаты и профильной Комиссии по поддержке семьи, материнства и детства, я подала ходатайство о включении в группу при Совфеде, но получила отказ. На сегодняшний момент я уже два месяца пытаюсь попасть в группу по разработке этого законопроекта, но меня не слышат. При этом в комиссии оказался ряд одиозных деятелей феминистского движения, связанных с зарубежным

финансированием, таких как соучредитель центра «Насилию. нет» Мари Давтян. К вопросу о мотивации лоббистов закона можно сказать, и это ни для кого не секрет, что все феминистские борцы за права женщины либо (чаще всего) имеют связь с ЛГБТ-сообществом, либо стоят на чётких позициях сокращения населения. Собственно говоря, мы понимаем, что цель всех этих законодательных манипуляций в том, чтобы сократить население нашей страны. То есть это очередная антидемографическая мера.

Нам нужно активнее заявлять себя с позиции демографической безопасности, потому что это единственная возможность быть услышанными. Достучаться до правительства можно лишь говоря о том, что новый проект закона о домашнем насилии — это антидемографическая мера. Сейчас все понимают, что у нас демографическая кривая с 2017 года пошла вниз. Представители власти при этом разводят руками: «Мы сейчас столько-то миллиардов рублей потратим на программу, чтобы коэффициент воспроизводства населения увеличить с 1,58 до 1,7». И они признают, что, может быть, даже этого достигнуть не удастся. Но прежде чем обсуждать, сколько денег добавить каждой семье, три копейки или три рубля, чтобы она народила новых граждан, стоит поговорить о том, что нужно убрать. Сначала нужно выполоть сорняки, а потом уже засеивать поле. Я всегда говорю о необходимости исключения из социальной политики государства антидемографических мер и призываю всех делать то же самое. Это разрешение аборт, популяризация гедонизма, потребительского образа жизни, разрушение культуры, образования, так называемая ювенальная юстиция. Кто захочет садиться в тюрьму по статье 156 Уголовного кодекса «Ненадлежащее воспитание, сопряжённое с жестоким обращением» на три года только за то, что родил ребёнка? Если сейчас нам в

судах ещё удаётся иногда защитить людей, обвиняемых по этой статье, то после принятия нового закона мы будем бессильны. Сейчас мы ещё можем апеллировать к здравому смыслу судей. А потом это уже будет невозможно. Нам скажут: «посмотрите, и это нарушено, и это, и это».

Лоббисты закона о семейно-бытовом насилии не скрывают, что основой для него послужила так называемая Стамбульская конвенция. Это конвенция против дискриминации, против насилия во всех его проявлениях, она очень большая, но в одном пункте — 4.3 — содержится требование об отсутствии дискриминации по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности. Понятно, что всё остальное содержание этой конвенции — просто упаковка, а её суть в одном — в стремлении легализовать права сексуальных меньшинств. Дополнительная цель — получить финансирование. Не все страны Европы подписали Стамбульскую конвенцию. В некоторых странах проходили многотысячные митинги в защиту семейных ценностей. Украина, хотя и подписала конвенцию, исключила из неё пункт о сексуальных меньшинствах. По сути, и в России под видом принятия закона о борьбе с насилием в отношении женщин делается всё для того, чтобы легализовать права сексуальных меньшинств.

Но давайте теперь обратимся к статистике, на которую ссылаются организации, борющиеся с домашним насилием. В 1994 году центр «Анна», особо не трудясь, взял статистику убийств за год в России (на тот момент их было 28 000) и поделил это число пополам, предположив, что мужчины и женщины составляют примерно равные доли населения. Они взяли это число и пошли с ним по жизни. Уже 25 лет они рассказывают, что в российских семьях каждый год убивают 14 000 женщин.

Несмотря на то, что был принят так называемый закон о фейках, и мы можем подать в суд за распространение ложной информации, эти данные транслируются из раза в раз и не только в статьях прозападных пропагандистов. Упоминание о 14 000 убитых женщин встречается в СМИ федерального уровня — на центральных телеканалах, в «Российской газете», а митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев) в одном из своих выступлений увеличил эту цифру до 15 000. В связи с этим мы сделали запрос в компетентные органы, чтобы получить реальные статистические данные. Запрос подавали я и сенатор Мизулина. Пришёл официальный ответ от МВД: число женщин, убитых в результате семейно-бытовых причин, — 300. Мы все понимаем, что это очень, очень много. Но цифра 14 000 сильно отличается от 300. Значит, кому-то это нужно, раз эта цифра «гуляет» по всем каналам и даже озвучивается теми медийными ресурсами, которые призваны защищать авторитет России и семейные ценности. Сенатор Мизулина просила предоставить данные за 2015 год, потом я сделала запрос по данным за все последние годы. За последние пять лет число жертв было примерно одинаковым — всегда около трёхсот плюс-минус несколько процентов. Теперь посмотрим статистику ООН. За статистикой ООН следит более двухсот организаций, поэтому здесь не слухавишь. Она говорит о цифрах, близких к правде. Но интересно, что эти цифры показывают, что число случаев насилия в отношении женщин в нашей стране падает, а, например, в США растёт. Однако на эту статистику почему-то никто не смотрит и никто о ней не говорит, говорят лишь, что семейно-бытовое насилие в России представляет серьёзную проблему.

В чём ещё нас упрекают в связи с этой проблемой? В 2016–2017 годах шла острая дискуссия вокруг вопроса о де-

криминализации побоев. Я сама в ней участвовала, задавала вопрос президенту, после чего ситуация нормализовалась. Вот, что там произошло. Статья 116 говорит о побоях, которые не наносят существенного вреда, — это пощёчины, тычки, подзатыльники, шлепки и тому подобное. Их выведение из уголовного права в административное было естественным, потому что рассматривать каждый раз в уголовном ключе какой-нибудь подзатыльник было бы странно. И декриминализация побоев дала свой результат — даже с точки зрения феминистского подхода. Повторю ещё раз, что всегда нужно чётко помнить: статья 116 говорит о побоях, которые не принесли никакого вреда здоровью, статья 115 — о причинении лёгкого вреда здоровью, статья 117 — о систематических истязаниях, 105 — об убийстве. Один из манипулятивных приёмов, которыми пользуются лоббисты закона о насилии, — смешение всех этих статей. Они говорят, что эскалация насилия — это функция непрерывная. То есть если человек один раз ударил жену, то рано или поздно он обязательно убьёт её. Мы с вами понимаем, что это демагогия. И эта демагогия всегда транслируется и в отношении женщин, и в отношении детей. Естественно, к реальности она отношения не имеет. Поэтому случаи, когда хулиганы нанесли кому-то побои, но не причинили при этом вреда здоровью, рассматриваются с опорой на административную статью.

До принятия закона о декриминализации побоев, если происходил соответствующий инцидент, пострадавший подавал заявление, открывали уголовное дело, но если происходило примирение и заявление забиралось назад, то дело закрывалось. В статистике такие случаи не учитывались. Можно сказать, что многие виновные уходили безнаказанными. Так происходило довольно часто, потому что никакой женщине не

хочется иметь мужа-уголовника и не хочется, чтобы детей называли детьми уголовника. А сейчас, когда виновного привлекают по административной статье, а не по уголовной, заявление уже никто не забирает, потому что виновник несёт соразмерное наказание, платит административный штраф. Есть суровость наказания, а есть неотвратимость — это два параметра, которые влияют на эффективность применения того или иного закона. Так вот: суровость исчезла, и правильно, потому что подвергать уголовному преследованию человека, который дал кому-то подзатыльник, несправедливо. А неотвратимость возросла. При этом возрос учёт такого рода преступлений, потому что раньше, когда в 95% случаев (по свидетельству правоохранительных органов) люди забирали заявления, эти преступления вообще никто не учитывал. И если говорят, что в результате декриминализации число преступлений возросло, имейте в виду, что речь на самом деле идёт именно об этом.

Сейчас уже многие не помнят, как Федеральное собрание (то есть Госдума и Совет Федерации) принесло извинения за свой законотворческий брак, когда насилие в семье абсолютно противоправно выделили в отдельную статью. То есть то, что происходило в семье, наказывалось строже, чем то, что происходило вне семьи. Фактически это была акция по криминализации самого института семьи, очередная попытка разрушить семью, представить дело так, что семья — это самое опасное место для человека. Эту ошибку мы исправили. К этому подключилось множество политических, информационных ресурсов. Дело было доведено до президента, и в результате вернули всё-таки ту редакцию, о которой мы просили. Сейчас это статья 6.1.1 КоАП (бывшая статья 116 часть 1 УК РФ), причём применяется она только в том случае, если человек совершил

правонарушение впервые. Если же в течение года он вторично привлекается по этой статье, то наступает уголовная ответственность. Поэтому все рассказы о том, что принятием данной поправки мы «разрешили» насилие в семье,— демагогия, это абсолютно неверно.

Но вернёмся к нынешнему закону о семейном насилии. Текст закона для ознакомления получить было крайне сложно. Его обсуждение происходит в каких-то закрытых кулуарах. Общественная палата к нему изначально не привлекалась. Общественная дискуссия происходит только на телевизионных каналах и шоу — это, наверное, и имеется в виду под общественным обсуждением. Тем не менее нам удалось получить проект этого федерального закона. Он не сильно изменился с тех пор, как Михаил Федотов, глава Совета по правам человека, положил его на стол президенту. Тогда казалось, что он сразу будет принят, но, тем не менее, его отклонили и отправили на доработку. Теперь этот закон обрастает какими-то новыми терминами. Там появляются понятия «жертва», «агрессор», «преследование», «домашнее насилие», «семейный быт», «семья» и так далее. В Семейном кодексе у нас нет определения семьи. Здесь семья — это лица, связанные родством и совместно проживающие, ведущие совместное хозяйство. Как вы понимаете, это может быть кто угодно. Во-первых, это, по сути, легализация так называемых «гражданских браков» и однополых союзов, потому что здесь нигде не сказано, что это союз мужчины и женщины. Потом риторика лobbyистов этого закона постоянно меняется, они подстраиваются под изменения внешних условий. Когда мы их уличили в том, что в России фиксируется не 14 000, а 300 жертв насилия ежегодно, они начали говорить о том, что в России всё насилие «латентно». Если раньше они говорили: «Какая ужасная

статистика, давайте с этим бороться», то теперь говорят: «Нет, конечно, на статистику нельзя опираться, она же латентна».

Необходимости в отдельном законе о семейном насилии в России сейчас нет. В законодательстве у нас уже есть всё: наказание за оскорбление, за клевету, за всевозможные виды физического насилия. Есть более 40 законоположений, которые призваны наказывать за насилие. Есть статьи, которые полностью охватывают проблему психологического давления. У моей коллеги Людмилы Виноградовой был специальный доклад, посвящённый этому вопросу. В нём на конкретных примерах было доказано, что новый закон о насилии будет лишь дублировать уже существующее законодательство. Законопроект о домашнем насилии — это попытка создания конкурентного законодательства, что, естественно, не может не внести смуту в правоприменительную практику. При этом законопроект о семейном насилии предусматривает увеличение числа участковых и тех, кто будет заниматься его применением в правоохранительных органах, в три раза, и на это предполагается выделение отдельного бюджета.

Но если у нас есть законы, а правоохранительные органы не работают должным образом, то это уже вопрос правоприменительной практики, и мы должны совершенствовать органы МВД. Если у нас есть бюджет на то, чтобы предусмотреть увеличение числа ответственных сотрудников в три раза, то почему не увеличить их число в рамках существующего законодательства? Почему это не происходит? Видимо, потому, что перед лоббистами стоят другие задачи. Точно так же, как при манипуляции с цифрами жертв насилия, число которых увеличилось с 300 до 14 000. Теперь, когда мы доказали, что уже существующих законов вполне достаточно для того, чтобы эффективно бороть-

ся со всеми насильственными действиями, что хромает именно правоприменительная практика, лоббисты начали говорить о том, что закон обусловлен не борьбой с домашним насилием, а необходимостью его профилактики. Но профилактика — это очень широкое понятие, и под предлогом профилактики можно залезть вообще в любую семью — особенно если речь идёт о таких широких понятиях, на которых они настаивают, ведь они не хотят ограничиться физическим насилием. Экономическое насилие, психологическое и сексуальное насилие — всё это для них в равной степени важно, и лоббисты это подчёркивают.

Однако профилактика никак не может носить карательный характер. Нам же предлагают систему охранных ордеров. Что это такое? Поясню на примере своего знакомого, который вместе с женой и тремя детьми переехал жить в Великобританию. Это вполне нормальные люди, никакого физического насилия у них в семье никогда не было, но через 16 лет совместной жизни у него с женой стали возникать моменты взаимного непонимания. Может быть, устали друг от друга, а может, от сложностей эмигрантской жизни. Британская система профилактики семейного насилия устроена следующим образом: если у человека плохое настроение или что-то случается в семье, он не жалуется родственникам, а идёт к психологу. Психологи — это своего рода агенты, которые поставляют клиентов в судебную систему или в систему соцзащиты. Так вот, жена этого человека ходила к психологу жаловаться на недопонимание в отношениях с мужем. За три-четыре месяца психолог объяснил этой женщине, что её муж — «абьюзер», он осуществляет над ней экономическое насилие, поскольку она от него материально зависит. Он зарабатывает, она с детьми сидит дома, ведь у них трое детей. Значит, она от него психологически зависит.

На этом основании мужу выписали охранный ордер. В британской системе для этого не нужно никаких доказательств. Просто человек приходит к психологу и говорит: я считаю, что мой муж — абьюзер, и через несколько дней приходит полицейский и выписывает охранный ордер. Теперь этот человек не имеет права приближаться ни к своей жене, ни к её родственникам. К ней — на основании этого конкретного охранный ордера, а к родственникам — поскольку это может быть расценено как преследование. За нарушение охранный ордера предусмотрено наказание — до пяти лет лишения свободы. Так как у этого человека не было другого жилья, где он мог бы жить в то время, пока наложен охранный ордер, он на несколько дней снял номер в гостинице, а потом уехал к родственникам в Россию. Но куда уезжать людям, которые не имеют альтернативного жилья и средств, чтобы его арендовать? Важный момент заключается ещё и в том, что после наложения ордера ваша семейная проблема перестаёт быть вашим частным делом, вы не можете просто помириться со своей женой. Вы не можете ей позвонить и всё уладить, это дело публичного обвинения.

Профилактика семейного насилия — это очень серьёзная система, которая настроена против важнейших общественных основ, первая из которых — семья. Представляется очевидным, как может быть истолковано, допустим, ограничение половой свободы, предусмотренное в проекте федерального закона о домашнем насилии. Когда мы вступаем в брак и не заключаем при этом брачный контракт, мы как-то понимаем, особенно если мы люди православные, что мы сужаем свою сексуальную свободу до одного супруга. Теперь представьте себе, что в законе будет прописан запрет на ограничение чужой половой свободы. Если человек не должен ограничивать чужую свободу в этой

сфере, значит, он не должен препятствовать измене со стороны своего супруга. Всё то же самое распространяется и на детей. В новом законе о семейно-бытовом насилии речь, очевидно, идёт о том, как развести супругов, разрушить их брачный союз.

Я занимаюсь в основном противодействием ювенальной юстиции, в частности возвратом детей из приютов, и знаю, насколько абсурдные требования иногда выдвигаются, какие судебные решения выносятся и какие в них могут быть формулировки и основания, направленные на то, чтобы отнять у детей родителей, а у родителей — детей. Когда соцработники приходят в откровенно маргинальные семьи, у них зачастую нет ни одного альтернативного инструмента, чтобы действительно помочь семье. У них нет юриста, чтобы помочь этой семье получить какую-нибудь льготу, нет альтернативной площади, где семья могла бы временно разместиться, нет рабочих, чтобы сделать ремонт, нет возможности оказать материальную помощь. Есть лишь один инструмент — взять детей у родителей и поместить их в приют.

Пока мы не признаём ювенальную юстицию системной ошибкой государственной политики, мы никогда её не победим. Сторонникам ювенальной юстиции выгодно говорить о том, что системной проблемы нет, а есть лишь отдельные недобросовестные чиновники на местах. Если чиновники не справляются, значит, они недостаточно квалифицированы, и нужно увеличить их штат и переобучить. Но что значит «переобучить»? Их будут обучать по тем же самым западным методичкам, и ужасы ювенальной юстиции лишь усугубятся. По поручению президента мы уже три года занимаемся проработкой семейного законодательства на базе Совета Федерации. Я участвую в работе этой группы, но прекрасно понимаю: как бы мы ни изменили законы,

правоприменительная практика менее чем через полгода приспособится к любому такому изменению. И сегодняшнее законодательство позволяет гуманно, по совести, милосердно решать вопросы. Мы сейчас, по сути, создаём протез для инвалидизированной правоприменительной практики. Вместо того чтобы её лечить, исправлять и заставлять действовать сообразно закону. Чтобы изменить правоприменительную практику, нужно признать системную ошибку, но этого никто делать не хочет. А между тем это наша принципиальная позиция, и мы с Анной Юрьевной Кузнецовой разошлись во мнениях по этому вопросу, потому что она как раз и пытается представить эту проблему таким образом, что во всём виноваты отдельные недобросовестные чиновники на местах. А это губительно для семейной политики. Та же самая проблема возникает и в контексте закона о семейно-бытовом насилии: правоприменительную практику никто менять не хочет, но пытаются множить сущности, субъекты законов, вводить профилактику. Единственная реальная профилактика — это работа над культурой семейных отношений. Это профилактика алкоголизма и наркомании — то есть основных проблем, порождающих семейно-бытовое насилие.

Подводя итог, можно сказать, что у нас в обществе есть проблема насилия, но ведь уже много раз выносился на обсуждение закон о запрете показа сцен насилия на общественном телевидении, но он так и не был принят, хотя мог бы положительно повлиять на статистику правонарушений в семейно-бытовой сфере. Представитель МВД, выступая в Госдуме на слушаниях, представил статистику, согласно которой 90% случаев насилия, о которых говорят лоббисты, совершены в состоянии алкогольного, наркотического опьянения или психической неадекватности. Но разве кто-нибудь собирается бороться с

алкоголизмом? Мы постоянно говорим о необходимости принудительного лечения от алкоголизма и наркомании. Но пока это невозможно. Потому что тут же Совет по правам человека скажет, что у человека есть право на его собственный алкоголизм, наркоманию и психическое расстройство. То есть основную проблему, приводящую к насилию, решать не желают. Но именно этим надо заниматься: борьбой с алкоголизмом, наркоманией, усовершенствованием правоприменительной практики, повышением культуры внутрисемейных отношений, а также созданием системы ограничений, которые позволили бы существенно снизить, а в перспективе и вовсе заблокировать деструктивное влияние СМИ, массовой культуры, театра.

УДК 316. 75(470+671)
ББК 60. 0(2Рос)
Т37

Т37 **Тетради Русской экспертной школы № 5** : научное издание / Под ред. В. А. Щипкова. – Москва : Русская экспертная школа, 2020. – 104 с.

ISBN 978-5-6041154-3-5

Очередной выпуск Тетрадей Русской экспертной школы представляет читателям тезисы докладов, прозвучавших на семинаре Школы в г. Серпухове 25–26 ноября 2019 года. В этом выпуске затрагиваются следующие темы: современное российское законодательство о культуре, технологии уличных протестов против строительства храмов, негативные последствия закона о профилактике семейно-бытового насилия, неоязычество и регионализм как политические инструменты, происхождение и действие секулярных вызовов перед лицом Церкви.

веб-сайт: russian-expert.ru
электронная почта: mail@russian-expert.ru

ISBN 978-5-6041154-3-5

© Русская экспертная школа, 2020
© Щипков В. А., 2020

Содержание

В. В. Аристархов

Законодательство о культуре. Предмет спора и группы интересов 5

О. А. Матвейчев

Храм и митинг. Технологии уличных протестов на примере
Екатеринбурга 34

Э. Ю. Жгутова

Правоприменительная практика и негативные последствия закона
о профилактике семейно-бытового насилия 50

Игумен Виталий (Уткин Игорь Николаевич)

Этнофутуризм, неоязычество и регионализм как политические
инструменты 65

В. А. Щипков

Секулярный вызов церкви: происхождение, характер,
перспективы 87

Эксперты номера

Аристархов Владимир Владимирович

директор Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва,
в 2013–2018 гг. – первый заместитель министра культуры
Российской Федерации

Жгутова Элина Юрьевна

член Общественной палаты РФ, руководитель «Общественного центра
по защите традиционных семейных ценностей “Иван Чай”»

Игумен Виталий (Уткин)

секретарь Архиерейского совета Ивановской митрополии,
секретарь Учёного совета Свято-Алексеевской Иваново-Вознесенской
православной духовной семинарии, руководитель Миссионерского отдела
Иваново-Вознесенской епархии

Матвейчев Олег Анатольевич

профессор НИУ ВШЭ, политический технолог и консультант,
канд. филос. наук

Щипков Василий Александрович

директор Русской экспертной школы,
доцент МГИМО МИД России, канд. филос. наук